

A vibrant, cartoon-style illustration of a young boy with brown hair, wearing a red and black plaid shirt, blue shorts, and brown boots. He stands on a dirt path in a lush forest, looking up and waving his right hand towards a massive, ancient tree. The tree's thick trunk and sprawling branches are covered in green moss and leaves. Numerous wooden treasure chests of various sizes are hanging from the tree's branches by ropes and chains. Some chests are open, revealing gold coins and gems. The background shows rolling green hills and a clear blue sky with soft white clouds. The overall scene is bright and cheerful, suggesting a magical adventure.

Александр Восьмой

СКАЗКА Сундук с процентами
(Даффи Толстяк)

Александр Восьмой СКАЗКА Сундук с процентами (Даффи Толстяк)

<https://litres.ru/74042906>

SelfPub; 2026

Аннотация

В лесу растёт странное дерево: на его ветвях висят сундуки с процентами. Каждый, кто берёт из сундука, должен вернуть больше, чем взял, иначе дерево начинает увядать. Мальчик, который случайно пробуждает дерево, узнаёт о долгах, процентах, рисках и ответственности. Он учится отличать «хорошие» долги, которые помогают расти, от «плохих», которые тянут вниз. Сказка про кредиты, процентные ставки и финансовую грамотность — в форме лесной легенды.

Александр Восьмой

СКАЗКА Сундук

с процентами

(Даффи Толстяк)

Глава 1. Шёпот в сумрачном лесу

Туман в этом лесу был не просто туманом. Он стелился по земле, как густая, прохладная река, обвивая корни старых дубов, будто хотел утянуть их глубже в землю, спрятать от чужих глаз. В нём таилось что-то древнее — не просто влага и пар, а память леса, его невысказанные секреты. Пахло сыростью, прелой листвой и ещё чем-то едва уловимым — будто где-то рядом кто-то осторожно, боясь спугнуть тишину, пересчитывал монеты.

Артём знал, что сюда ходить нельзя. Бабушка каждый вечер, укутывая его в плед, строго качала головой: «В тот лес не ступай, там деревья считают шаги, а тени запоминают желания. Любопытство там стоит дороже золота». Но именно потому, что запрещали, лес манил. В нём было что-то, что звало изнутри, шептало на ухо: «Ты ведь хочешь узнать, правда?»

И вот теперь он стоял на опушке, чувствуя, как холодный туман касается щёк, и не мог пошевелиться — не от страха,

а от восторга, смешанного с тревогой. Лес был живым. Он дышал. И в этом дыхании слышался тихий, едва уловимый звон — будто кто-то где-то осторожно тряс связку монет.

Шаг. Ещё шаг. Земля под ногами пружинила, словно не хотела отпускать, будто знала: стоит углубиться — и пути назад уже не будет. Ветви старых деревьев сплетались над головой, образуя тёмный свод, сквозь который едва пробивался бледный свет луны. И вдруг среди этой тьмы вспыхнул тусклый золотой отблеск.

Артём замер.

Перед ним стояло дерево, непохожее на остальные. Его ствол был тёмным, почти чёрным, будто впитал в себя все тайны леса. Ветви изгибались, словно руки, тянущиеся к небу, но не в мольбе, а в требовании. И на этих ветвях, как странные плоды, висели тяжёлые сундуки. Они были обиты потемневшим от времени металлом, украшены витиеватыми узорами, а замки на них мерцали тусклым золотым светом, будто внутри тлело какое-то древнее пламя.

Дерево не шевелилось. Но оно говорило. Не словами — ощущениями. Артём вдруг почувствовал, как по спине пробежал холодок, а в груди сжалось что-то от предвкушения и страха одновременно. Это было похоже на тот миг, когда стоишь на краю высокой скалы: хочется прыгнуть, но сердце кричит: «Стой!»

Он протянул руку и коснулся ближайшего сундука. Металл был холодным, но под пальцами будто пульсировала ка-

кая-то жизнь. Замок щёлкнул — тихо, почти неслышно, но в тишине леса этот звук прозвучал как раскат грома. Крышка приоткрылась, и изнутри вырвался слабый золотистый свет, похожий на светлячков, запертых в тесной коробке.

Внутри лежали монеты. Не обычные — они переливались всеми оттенками золота, будто в них застыли лучи заходящего солнца. Артём не удержался и взял одну. Она была тёплой, почти горячей, и в тот же миг ему показалось, что дерево глубоко, тяжело вздохнуло.

— Ты взял, — прошептал лес, и голос этот прозвучал не снаружи, а внутри головы, как собственное сомнение. — Но помни: вернёшь вдвое.

Артём вздрогнул и огляделся, но вокруг по-прежнему никого не было. Только туман, деревья и это странное дерево с сундуками, которое, казалось, смотрело на него тысячей невидимых глаз.

Он опустил монету в карман, и она тут же стала тяжёлой, будто набрала вес всех невысказанных обещаний. Звон в лесу стал громче, настойчивее, и теперь Артём понимал: это не просто звук. Это счётчик. Это лес считал каждый его шаг, каждую мысль, каждое желание.

«Любопытство имеет свою цену», — вдруг всплыли в памяти слова бабушки. И теперь он понял, что это была не просто поговорка. Это был закон этого леса.

Артём сделал шаг назад, но земля под ногами будто стала вязкой, как болото, не желая отпускать того, кто уже взял

что-то без спросу. Дерево снова вздохнуло, и на этот раз в этом вздохе слышалась не угроза, а печаль — будто оно знало, что теперь Артёму придётся учиться тому, чему не учат в школе: цене выбора, весу обещаний и тому, что даже самое маленькое «я возьму ненадолго» может обернуться долгом, который придётся возвращать всю жизнь.

И в этот момент, стоя посреди сумрачного леса, с тяжёлой монетой в кармане и шёпотом дерева в голове, Артём впервые по-настоящему понял: экономика — это не скучные цифры в учебнике. Это живая, дышащая сила, которая прячется в тенях, шепчет в ветрах и ждёт, когда ты сделаешь свой первый, самый важный выбор.

А лес продолжал шептать. И теперь Артём слушал.

Глава 2. Сундук, который просит вернуть больше

Артём стоял перед сундуком, и его сердце колотилось так громко, что, казалось, заглушало даже шёпот леса. Замок на крышке слабо мерцал, будто подмигивал: «Ну же, открой. Никто не узнает». И правда, вокруг — только туман, старые деревья да тишина, в которой слышно, как время отсчитывает секунды.

Он глубоко вдохнул, задержал дыхание и потянул крышку вверх. Она поддалась с тихим, тягучим скрипом — словно дерево неохотно расставалось со своим секретом. Внутри, на тёмно-бордовой бархатной подкладке, лежали монеты. Не просто монеты — они переливались, будто в них застыли от-

блески далёких закатов, и манили к себе, обещая исполнить одно маленькое, но такое важное желание.

А под ними белела тонкая, пожелтевшая от времени записка. На ней витиеватым почерком, будто выписанным чернилами из лунного света, было выведено: *«Возьми, но помни. вернёшь вдвое»*.

Артём на секунду замер, глядя в эти слова. Они будто дрожали на бумаге, как отражение в воде. «Вдвое... — пронеслось у него в голове. — Ну, это же просто сказка. Лесные причуды. А маме так хочется подарить что-то особенное».

Не раздумывая больше, он сунул в карман горсть монет — они легли туда с приятным, тяжёлым звоном, будто одобряли его решение. Крышка сундука захлопнулась сама собой, с лёгким щелчком, похожим на звук защёлкнувшегося капкана — но Артём этого не заметил. Он уже спешил прочь, сквозь туман, который теперь казался ему не зловещим, а просто густым и немного волшебным.

Выбравшись из леса, Артём будто попал в другой мир. Здесь воздух был чище, солнце — ярче, а дорога вела прямо к рыночной площади, где пахло свежим хлебом, пряностями и предвкушением праздника. В его кармане звенели монеты, и этот звон казался музыкой — обещанием радости.

На прилавке у доброй торговки он увидел то, что искал: резную деревянную шкатулку, украшенную узорами, похожими на морозные рисунки на стекле. «Для мамы», — про-

шептал он, доставая монеты. Торговка улыбнулась, взяла плату, и шкатулка легла в его руки — лёгкая, но такая значимая.

И вот тут началось странное.

Едва он отошёл от прилавка, монеты в кармане вдруг изменили свой голос. Раньше они звенели весело, почти радостно, а теперь их звон стал резким, неприятным, будто они спорили друг с другом, перебивая один другого. Артём сунул руку в карман, чтобы проверить, не перепутались ли они, но монеты были на месте — только теперь они казались тяжелее, будто набрали вес от собственных слов.

— Эй, ты чего такой хмурый? — окликнул его соседский мальчишка, пробежавший мимо. — Только что улыбался, а теперь будто туча на голову упала.

Артём хотел ответить, что всё в порядке, но слова застряли в горле. Потому что в этот момент он вдруг отчётливо услышал в этом металлическом споре в кармане отголосок той самой записки: *«Вернёшь вдвое»*. И лес, который раньше казался просто лесом, теперь виделся ему чем-то вроде строгого стража, который ничего не забывает.

Он побрёл домой, и с каждым шагом монеты звенели всё настойчивее, будто напоминали: «Ты взял. Ты обещал. Время идёт». Даже шкатулка, которую он прижимал к груди, теперь казалась не просто подарком, а чем-то, за что придётся заплатить — и не только деньгами.

Когда он вошёл в дом, мама улыбнулась так тепло, что на

мгновение все тревоги исчезли.

— Это мне? — прошептала она, открывая шкатулку и проводя пальцами по узорам. — Какая красота... Ты так старался, мой хороший.

Артём кивнул, чувствуя, как в груди сжимается что-то тёплое и одновременно горькое. Он хотел рассказать ей про лес, про дерево, про сундуки и записку, но слова не находились. Вместо этого он просто обнял её и уткнулся в плечо, вдыхая родной запах ванили и свежей выпечки — запах дома, который всегда спасал от любых страхов.

Но ночью, когда дом затих, а за окном шептались деревья, Артём лежал с открытыми глазами и слушал, как монеты в его кармане продолжают свой тихий, упрямый спор. Теперь он понимал: лёгкая выгода редко бывает по-настоящему лёгкой. За каждое «сейчас» иногда приходится платить в будущем — и цена эта может оказаться выше, чем кажется на первый взгляд.

«Вернёшь вдвое», — снова прозвучало в его голове, и на этот раз это были не слова с записки, а голос его собственного понимания. Экономика, оказывается, жила не только в скучных таблицах и цифрах — она пряталась в шёпоте леса, в звоне монет и в тяжести обещания, которое ты даёшь, даже если думаешь, что никто не слышит.

Артём закрыл глаза, но сон не шёл. Перед внутренним взором стояло то странное дерево с изогнутыми ветвями и тяжёлыми сундуками, и ему вдруг стало ясно: он не просто

взял монеты. Он взял долг. И теперь ему предстояло узнать, что значит держать слово — даже если это слово ты прошептал самому себе в тёмном лесу.

Глава 3. Тень ростовщика и язык цифр

На третий день над деревней повисла странная тишина — не та уютная, привычная тишина утра, когда всё только просыпается, а напряжённая, будто воздух сам затаил дыхание. Даже петухи кричали как-то неуверенно, будто прислушивались к чему-то важному, что должно было вот-вот случиться.

Артём вышел во двор, и первое, что он почувствовал, — это тяжесть в кармане. Монеты больше не звенели, как раньше. Теперь они лежали там плотными, холодными кругляшами, словно застыли в ожидании. И каждый раз, когда он касался их пальцами, по спине пробегал лёгкий холодок — будто металл помнил тот шёпот из леса: *«Вернёшь вдвое»*.

А потом он увидел его.

Незнакомец стоял у колодца, почти сливаясь с тенью старого вяза. На нём был длинный чёрный плащ с высоким воротником, а лицо наполовину скрывал капюшон. Он не двигался, не кричал, не размахивал руками — просто стоял и смотрел, как будто измерял взглядом не расстояние, а ценность.

В деревне о таких людях говорили шёпотом. Их называли по-разному: ростовщики, менялы, хранители счёта. Говорили, что они умеют слышать, как тикают секунды, и знают це-

ну каждому вздоху.

— Ты взял монеты, — произнёс незнакомец, не поворачивая головы. Голос у него был тихий, но такой отчётливый, что казалось, будто слова падают на землю тяжёлыми каплями. — Но ты думаешь, что взял золото. А на самом деле ты взял время у своего будущего.

Артём замер, будто его пригвоздили к месту эти слова. Он хотел возразить, сказать, что это просто монеты, что он купил маме подарок, что в этом нет ничего страшного. Но язык словно прилип к нёбу.

Незнакомец наконец повернулся. Лицо у него было не злым, не добрым — просто очень внимательным, как у человека, который привык замечать то, что другие пропускают. В его глазах мелькнуло что-то похожее на усталость — будто он тысячу раз видел этот взгляд: смесь надежды и страха.

— Время — самый редкий товар, — продолжил он, и теперь его голос звучал почти ласково, от чего становилось ещё страшнее. — Его нельзя накопить, нельзя спрятать в сундук, нельзя одолжить и вернуть. И когда ты берёшь в долг, ты берёшь не монеты — ты берёшь дни, часы, минуты, которые могли бы принадлежать тебе потом. Ты меняешь своё «завтра» на чьё-то «сейчас». И проценты — это плата за то, что кто-то согласился подождать.

Он протянул руку и легко коснулся плеча Артёма — не грубо, но так твёрдо, что мальчик понял: от этого прикосновения не увернуться.

— Скажи мне, — спросил незнакомец, — если бы у тебя было десять яблок, и ты отдал бы одно, чтобы получить ещё два через месяц, — это хорошая сделка?

Артём нахмурился, пытаясь сообразить.

— Наверное... если мне нужны эти два яблока.

— А если через месяц у тебя не будет сил собирать яблоки, потому что ты потратил их на то, чтобы отдать долг? Если дерево засохнет, потому что ты не поливал его, пока отдавал проценты? Тогда эти два яблока станут не богатством, а ловушкой. Понимаешь разницу между долгом, который кормит, и долгом, который ест?

Артём медленно кивнул, хотя на самом деле понимал пока не всё. Но он чувствовал: в этих словах прячется что-то очень важное, как ключ, который подходит к замку, давно заржавевшему от непонимания.

Незнакомец улыбнулся — едва заметно, одними уголками губ.

— Экономика — это не про цифры на бумаге, — сказал он. — Это про отношения. Про доверие, которое можно построить годами и потерять за одну минуту. Про обещания, которые становятся цепями, если их не держать. И про выбор, который ты делаешь, даже когда думаешь, что его делает кто-то другой.

Тут из дома вышла мама Артёма, вытирая руки о фартук. Увидев незнакомца, она слегка нахмурилась, но тут же смягчилась — вежливость в их деревне была такой же обязатель-

ной, как хлеб на столе.

— Доброго дня, — сказала она. — Чем могу помочь?

Незнакомец поклонился — коротко, уважительно.

— Я просто прохожу мимо, — ответил он. — Рассказываю истории тем, кто готов слушать. Ваш сын — хороший слушатель. У него внимательный взгляд.

Мама посмотрела на Артёма, и в её глазах мелькнуло беспокойство, смешанное с гордостью.

— Он у меня любопытный, — сказала она с лёгкой улыбкой. — Иногда слишком.

Незнакомец снова взглянул на Артёма, и на этот раз в его взгляде было что-то вроде одобрения.

— Любопытство — это начало мудрости, — произнёс он. — Главное, чтобы оно не опережало ответственность.

И с этими словами он повернулся и пошёл прочь, растворяясь в утреннем свете, пока тень от его плаща не стала просто тенью, а потом и вовсе исчезла.

Артём стоял и смотрел ему вслед, чувствуя, как в голове медленно, но верно складываются кусочки чего-то большого. Он вдруг понял, что монеты в его кармане — это не просто средство купить подарок. Это обещание. Это договор, который он заключил, даже не читая условий. И теперь ему предстояло научиться читать между строк — в цифрах, в словах, в шёпоте леса и в тишине собственного сердца.

Когда он вернулся домой, мама сидела у окна и перебирала узоры на шкатулке, которую он ей подарил. Она подняла

глаза, улыбнулась и сказала:

— Знаешь, самое дорогое, что у меня есть, — это не вещи. Это ты. И твоё время. Не трать его зря.

Артём кивнул, сел рядом и положил голову ей на плечо. И в этот момент он по-настоящему понял: экономика — это не только про то, сколько у тебя монет. Это про то, на что ты готов их обменивать. И про то, что некоторые вещи — доверие, любовь, время — нельзя взять в долг. Их можно только беречь.

Глава 4. Увядающие листья: цена необдуманного выбора

В тот день Артём проснулся с чувством, будто что-то внутри него тихо, но настойчиво звенит — как натянутая струна, которую тронули и оставили вибрировать. Это был не страх, не радость, а какая-то тревожная ясность. Он снова думал о словах незнакомца в чёрном плаще: *«Ты взял не монеты — ты взял время у своего будущего»*. И теперь эти слова не просто звучали в голове — они требовали ответа.

Он не стал никому ничего объяснять. Просто накинул куртку, сунул в карман оставшиеся монеты — те самые, что уже не звенели весело, а лежали тяжёлыми, молчаливыми свидетелями — и пошёл к лесу. На этот раз он не крался, не оглядывался с опаской. Он шёл прямо, потому что теперь знал: лес не просто ждёт, он наблюдает.

Туман сегодня был другим — не густым и загадочным,

как в первый раз, а прозрачным, словно вымытым утренним ветром. Сквозь него проглядывали очертания деревьев, и среди них, как тёмный маяк, стояло то самое дерево с сундуками. Но теперь Артём заметил то, чего не видел раньше: его листья были не зелёными, а тусклыми, с коричневыми краями, будто обожжёнными невидимым огнём.

И они падали.

Тихо, почти беззвучно, листья кружились в воздухе и ложились на землю, как забытые обещания. Каждый опавший лист был похож на маленькую тень — на что-то, что когда-то жило, а теперь стало лишь воспоминанием.

Артём подошёл ближе и замер. Ветви дерева, которые раньше изгибались, словно руки, тянущиеся к небу, теперь поникли, будто устали держать на себе тяжесть сундуков. Металл на сундуках потускнел, узоры на крышках казались размытыми, как если бы кто-то стёр их влажной тряпкой. Даже замки больше не мерцали — они были тёмными, будто покрылись слоем пыли времени.

— Что с тобой? — прошептал Артём, протягивая руку, но не решаясь коснуться ствола. — Ты... увядаешь.

Дерево не ответило словами. Но оно отозвалось ощущением — холодным, горьким, похожим на сожаление. И в этом ощущении Артём вдруг увидел картину: не глазами, а внутренним взглядом. Он увидел, как его собственные поступки отражаются на дереве.

Вот он берёт монеты из сундука — и на дереве желтеет

один лист.

Вот он покупает на рынке сладкую булочку, просто потому что хочется — и падает ещё один лист, тихо, беззвучно.

Вот он тратит ещё несколько монет на яркую безделушку, которая радует ровно пять минут — и дерево вздрагивает, будто от удара.

Каждый необдуманный расход, каждая покупка «просто так», без плана, отзывалась на дереве, как эхо на пустой площади. И теперь Артём понял: дерево не просто хранило монеты. Оно хранило баланс. Оно показывало цену выбора — не в цифрах, а в жизни, в росте, в свете, который угасал с каждым легкомысленным решением.

Он опустился на колени и собрал с земли несколько опавших листьев. Они были сухими, хрупкими, и в них почти не осталось силы.

— Прости, — тихо сказал он дереву. — Я не знал. Я думал, что беру только монеты. А оказалось, я беру у тебя... жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.